

Т.Н. Березина

Многомерная психика

Внутренний
мир
личности

Татьяна Березина

**Многомерная психика.
Внутренний мир личности**

«Когито-Центр»

2001

УДК 159.9
ББК 88

Березина Т. Н.

Многомерная психика. Внутренний мир личности /
Т. Н. Березина — «Когито-Центр», 2001

ISBN 5-9292-0029-7

В монографии подводится итог двух исследовательских проектов, проведенных при поддержке РГНФ: «Методика глубинного исследования личности и ее жизненного пути на модели пространственно-временных гештальтов (транспективы времени)» и «Активность личности в измененных состояниях сознания». Монография посвящена малоизученной проблеме пространственно-временной организации внутреннего мира личности. Впервые делается попытка использовать многомерную модель реальности (предполагающую наличие скрытых пространственных и временных размерностей) для описания внутреннего мира человека. Монография состоит из двух частей «Пространство—время личности» и «Социум внутри нас». Анализируются результаты теоретических и эмпирических исследований внутреннего пространства, внутреннего времени, внутреннего диалога и интрапсихических основ социальных взаимодействий личности (доминирования или подчинения, альтруизма или эгоизма). Вводятся и объясняются понятия «пространственно-временной образный континуум», «конвергентные и дивергентные формы чувствования»; описываются и интерпретируются новые свойства внутреннего времени (энергетика времени, дополнительные темпоральные измерения и др.). Работа издается впервые.

УДК 159.9
ББК 88

ISBN 5-9292-0029-7

© Березина Т. Н., 2001

© Когито-Центр, 2001

Содержание

Введение	7
Благодарности	10
Часть первая	11
Глава 1	11
1. Методолого-теоретическое исследование природы внутреннего пространства	11
1.1. Внутреннее пространство как личностный феномен	11
1.2. Чувственные образы как пространственно- временные гештальты	21
2. Эмпирическое исследование топологии внутреннего пространства	24
2.1. Структура образного континуума	24
2.2. Топология внутреннего пространства	28
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Т. Н. Березина

Многомерная психика. Внутренний мир личности

*«Храни нас, Бог, от меланхолии,
Крепи невидимые связи.
Я – воин Внутренней Монголии.
Мой конь застыл у коновязи.*

*Чужому кодексу ли следую,
Ищу ли золото в Овне,
Я взором внутренним исследую
Все, что невидимо вовне».*

И. Минаков

© Березина Т. Н., 2001

© ПЕР СЭ, 2001

Введение

Внутренний мир человека – одна из самых сложных, плохо поддающихся определению областей психологии, поскольку трудно выразить все многообразие субъективной реальности в рамках психологической теории.

Еще труднее определить два глобальных понятия: внешнее и внутреннее. Поколения философов и психологов то разделяли, то объединяли эти категории до полного исчезновения одной из них. Удалось ли нам добавить что-то новое к многочисленным дискуссиям – судить читателям. В нашей работе мы подходим к внутреннему миру человека как к многомерному пространственно-временному образованию, которое одновременно существует и внутри человека и вне его, благодаря наличию во внутреннем мире человека дополнительных пространственноподобных и времяподобных измерений. Это не совсем традиционный взгляд на внутренний мир человека. В психологии более разработаны направления, анализирующие душевную и даже духовную составляющую внутреннего мира личности (В. П. Зинченко, А. Н. Леонтьев). Конечно, при нашем подходе мы оставляем в стороне некоторые уникальные, чисто человеческие качества (ум, честь, совесть и т. п.), которым пространственноподобное описание вряд ли что-то существенное добавит, но зато сможем увидеть и рассказать о внутреннем пространстве и внутреннем времени человека.

Идеи о существовании скрытых размерностей пространства – времени нашей Вселенной родились в физике (так называемые модели Калуцы – Клейна) [89, 318] и до сих пор практически не нашли никакого применения в психологии. Еще в 1921 г. в один из авторитетнейших физических журналов «Sitzungsberichte der Berliner Akademie» Альберт Эйнштейн рекомендовал статью Теодора Калуцы, в которой молодой исследователь предложил дополнить четыре измерения пространства – времени пятым пространственным измерением. За время, прошедшее с тех пор, в физике накопилось большое количество работ, посвященных теориям «многомерья»: модель нашего мира как 11-мерной сферы, теория 5-мерной оптики, теория 6-мерной оптики, 6- и 7-мерная геометрическая теория объединенного гравитационного и электрослабого взаимодействий и ряд других.

В предлагаемой вашему вниманию работе делается первая попытка использовать многомерную модель Вселенной для описания внутреннего мира человека.

Существует два способа сделать это. Первый заключается в том, что в рамках любой теории происхождения человека (от религиозных до строго научных) человек определяется как образ и отображение Высшего (и внешнего) мира или существа: в религиозных концепциях как подобие Бога, в естественнонаучных теориях психика рассматривается как отражение внешнего мира (А. Н. Леонтьев). Поэтому естественно предположить, что человек отображает не только явные, но и скрытые (и даже некоторые пока неизвестные) законы нашей реальности, в том числе и особенности пространственно-временной метрики высших порядков, если таковая присутствует в нашей Вселенной.

Второй способ связан с наличием изначальной психической активности человека, который может мир не только отражать, но и творить. Начиная с С. Л. Рубинштейна, проблема активности психики и творческой реализации стала разрабатываться психологией. В современной науке концепция активности личности тесно связана с развитием субъектного принципа. Субъектный принцип реализуется как на уровне целой личности (К. А. Абульханова, В. А. Петровский), так и в психологии способностей (В. Н. Дружинин), в психофизиологии (В. Б. Швырков, Ю. И. Александров). Исходя из наличия у человека изначальной активности и творческой интенции, можно предположить, что он способен творить свой внутренний мир в дополнительных пространственных и временных измерениях, если для таковых есть физическая основа в нашей Вселенной.

До сих пор в психологии пространство рассматривалось в основном как трехмерное; однако ряд темпоральных теорий предусматривал существование дополнительных координат у времени: в теории личностной организации времени (К. А. Абульханова-Славская), в оригинальной концепции времени, описывающей существование «зазоров длящегося опыта» (В. П. Зинченко), в концепции индивидуального времени (Т. А. Доброхотова, Н. Н. Брагина). Представление о существовании дополнительных пространственноподобных координат получило развитие, главным образом, в художественной литературе (и это тоже способ отображения сложной Вселенной в психике и культуре человека), разобранный нами в заключительном разделе третьей главы. В свою очередь в психологии возник ряд интересных пространственноподобных концепций самой психики: отдельных психических процессов (В. Д. Шадриков) и всего сознания (М. К. Мамардашвили).

Именно М. К. Мамардашвили предположил, что «возможно, сознание находится вне индивида как некое пространственноподобное образование» [209, с.38]. Но если сознание пространственно находится вне индивида, то тогда где? Ответу на этот вопрос и будет посвящена первая глава нашей книги, в которой мы приведем результаты наших эмпирических и теоретических исследований природы внутреннего пространства. Мы провели исследования топологии образного континуума, отображения в нем личностных черт и жизненного пути человека; специальное исследование было посвящено визуализации дополнительных пространственных измерений (четвертого и последующих) и интерпретации полученных результатов.

В следующей главе нашей работы мы анализируем проблему внутреннего времени человека. Идея о существовании в каждой системе (от молекулы до звезды и от химической реакции до человека) своего особого внутреннего времени развита И. Пригожиным. В рамках его концепции внутреннее время человека – это возраст. В соответствии с концепцией личностной организации времени К. А. Абульхановой внутреннее время человека по мере становления личности как субъекта жизни становится все более психологическим и все более личностным. Определенное таким образом внутреннее время, с одной стороны, может обладать всеми известными для внешнего времени (внешнего для нас и при этом внутреннего для Вселенной) дополнительными темпоральными размерностями. Высшие измерения внутреннего времени помогают нам объяснить некоторые на первый взгляд необычные темпоральные свойства – феномены замедления и ускорения, выпадения и появления дополнительного времени, обратимости времени, обнаруженные нами в критических ситуациях человеческой жизни.

С другой стороны, внутреннее время личности связано с активностью личности как субъекта жизни, а значит, подразумевает энергетическую составляющую, введение этой компоненты приближает нас к субстанциальному представлению о времени Н. А. Козырева (время – как энергия). Кроме процессов расходования энергии времени на протяжении жизни с введением категории активности личности, мы сталкиваемся с принципиально неэнтропийным процессом, когда личность в своей активности не только расходует, но и «порождает» время. В ряде ситуаций ускорение внутреннего времени (и другие варианты более плотного его использования) ведет к росту удовлетворенности и повышению энергетического потенциала, а возникшее состояние удовлетворенности может привести к увеличению продолжительности жизни. Подробнее об этом написано в третьем разделе второй главы, которая так и называется «Энергетика времени».

Вторая часть нашей книги посвящена социальной природе человеческой психики. Она так и названа «Социум внутри нас», и основным способом изучения внутреннего мира в ней являются методы исследования внутренних диалогов и монологов личности. Исследованиями внутренних диалогов занимались многие авторы. Категория внутреннего диалога была предложена М. М. Бахтиным в его литературоведческих работах. На основе идеи диалогизма было развито особое направление, получившее название психологии внутреннего диалога (Г. М. Кучинский), создана специальная диалогическая психотерапия (Т. А. Флоренская). Мы

предположили, что основными смысловыми единицами анализа внутренней речи могут выступать местоимения (Я, Ты, Мне/Меня, Мы), с помощью которых внутри психики индивидуума моделируются все три формы внутренних взаимоотношений: отношения к себе (разговоры с собой), отношения к другим (обращенные к ним монологи), ожидаемые отношения других к тебе (диалоги).

Каждое местоимение, заменяющее во внутренней речи себя или другого, группирует определенный психический материал, формируя своеобразную субличность (или смыслообразующую позицию, говоря словами Г. М. Кучинского). Местоимения первого лица (Я, Мне, Мы) связаны с самовыражением осознанной части личности. К. Г. Юнг полагал, что эта часть личности (сознательная) и есть Эго; при этом местоимение Я выражает его индивидуальную часть, а местоимение Мы – коллективную, общечеловеческую (Эго как архетип). Местоимения третьего лица (Он, Она, Оно, Они) выражают вытесненные, подсознательные части личности. А вместе с местоимениями второго лица во внутренней речи появляются образы конкретных, обобщенных или идеальных Других. Впрочем, на Ты человек может обращаться и к самому себе, и к какой-то высшей в себе силе (Богу). В любом случае обращение Ты означает, что во внутреннем мире появляется собеседник, а монолог сменяется диалогом.

Если, согласно первой части нашей работы, сознание каждого человека образует целый мир в высших пространственноподобных измерениях, то вторая часть задумана для ответа на вопрос: как соотносятся (и соотносятся ли вообще) между собой определенные подобным образом внутренние миры разных людей. Есть ли у них другие точки пересечения, кроме пресловутого «здесь и теперь». Потому что «здесь» (трехмерный видимый мир) и «теперь» (настоящий момент времени) для многомерного человека – это далеко не все. Взаимодействия между мирами, проходящие на уровне высших пространственных измерений, мы назвали трансперсональными.

В наших исследованиях была выделена специальная особая форма внутренней речи – сложный диалог – представление Себя глазами Другого, рассказывающего о Тебе кому-то третьему. Как показали исследования, только включение во внутренний мир Третьего (как Другого моего Другого) связано с феноменом «размыкания сознания», дивергентным чувствованием и особыми формами межличностного взаимодействия – трансперсональным. По содержанию сложный диалог часто представляет собой фантазии, на уровне реального взаимодействия дивергентно чувствующие люди чаще выбирают альтруистичный стиль взаимодействия, а в их художественном творчестве проявляется глубинный архетип Братства. Обо всем этом можно прочитать в последней (пятой) главе нашего исследования.

Благодарности

Автор выражает благодарность всем, кто на протяжении последних лет словом и делом помогал в проведении исследований, положенных в основу данной книги:

особая благодарность – моей научной руководительнице, академику Абульхановой Ксении Александровне – за разделенные идеи.

кандидату психологических наук Воловиковой Маргарите Иосифовне – за добрые советы;

профессору Гуревичу Павлу Семеновичу – за помощь в организации эмпирической базы для некоторых исследований;

профессору Доброхотовой Тамаре Амплиевне – за обсуждение со мной проблематики индивидуального времени и подаренные книги, которые очень помогли мне в работе;

кандидату психологических наук Григоровской Наталье Юрьевне – за помощь в проведении исследования времени.

Также я хочу поблагодарить администрацию и студентов Московского психолого-социального института, в котором я работаю; администрацию за помощь и доброе отношение к моим исследованиям, а студентов – за участие в них.

Особенно я хочу поблагодарить моих коллег и друзей, участников нашего эксперимента, всех тех, кто участвовал в опытах, обсуждал вместе со мной их результаты, предлагал проекты. Наши мысли уже настолько переплелись, что мне сейчас трудно разделить их, чтобы не потеряв сути, оформить авторские ссылки. Просто я благодарю:

Балан Ирину, кандидата биологических наук;

Барсукова Михаила, гипнолога;

Долина Сергея, мастера восточных единоборств;

Мансурова Эдуарда, творческого мыслителя;

Минакова Игоря, поэта;

Минакову Елену, защитницу природы;

Носикова Сергея, физика;

Павлову Анастасию, музыканта;

Рыбцова Станислава, кандидата биологических наук;

Рыбцову Наталью, кандидата биологических наук;

Трущеву Светлану, поэта;

Хитрякову Евгению, художника,

и многих других, кто участвовал в моих экспериментах. Мои эксперименты – это наши эксперименты. Мои результаты – это наши результаты.

Проведение многих экспериментов стало возможным благодаря финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда, которому за это я тоже очень благодарна.

Код проекта 97–06–08089 (глава первая: раздел 1 и 2, глава четвертая).

Код проекта 00–06–00078 (глава первая: раздел 3, глава вторая, глава третья, глава пятая).

Часть первая

Пространство—время личности

Глава 1

Внутреннее пространство (внутренние образы)

1. Методолого-теоретическое исследование природы внутреннего пространства

1.1. Внутреннее пространство как личностный феномен

Внутреннее пространство не является строгим научным термином, оно никак не определено в словарях, хотя достаточно часто употребляется в научной и научно-популярной литературе, при этом каждый автор вкладывает в понятие свой собственный, понимаемый в рамках его концепций смысл.

Можно выделить три подхода к определению внутреннего пространства. Эти подходы не противоположны, они скорее вытекают друг из друга, в совокупности создавая полное описание всех возможных свойств и следствий внутреннего пространства; хотя каждый подход, конечно, анализирует свои аспекты данной реальности.

В самом общем и глубинном смысле внутреннее пространство – это все психическое. На первый взгляд это кажется метафорой: пространство – время личности (К. А. Абульханова) [7], пространство – время детства (Д. И. Фельдштейн) ([302, 303]. Но, как будет показано дальше, в этой метафоре скрыт глубокий смысл. Потому что где-то в глубине души предполагается возможность представления психики как пространственноподобного образования. Именно это и предполагал М. К. Мамардашвили для сознания, что оно может представлять собой пространственноподобное образование вне человеческого тела. [209].

В психологии свойства пространства – протяженность и объем – представлены в виде содержания и структуры: содержание сознания (Д. Гартли, Дж. Пристли), структура личности (Г. Айзенк). А внутреннее пространство рассматривается как синоним понятия «внутренний (личностный) мир», или как индивидуальное Я. «В современной литературе содержание человеческой индивидуальности, уникальность личности нередко обозначают другими понятиями, например, «духовность человека», «его личностный мир» и т. д.» [115, с.261].

По К. А. Абульхановой, внутреннее пространство, которое личность сама создает и структурирует, – это «жизнедеятельность человека» [4]. «Деятельность – создание особого временно-пространственного континуума, в котором субъект связывает объективно разобщенные во времени и в пространстве объекты, придает им свою временную целостность и цикличность и собственные временные параметры и ритмы» [1, с.68]. Согласно теории В. Д. Шадрикова, предложившего для классификации психических процессов оригинальный критерий «форма существования материи», пространственноподобны все психические процессы: память, восприятие, мышление, воображение. «Особое место занимает критерий «форма существования материи», предложенный для классификации восприятия и практически неиспользуемый для классификации других видов психических процессов, хотя известно, что исходным материа-

лом, дающим информацию о свойствах действительности, является результат ощущений и восприятий, которые в свою очередь служат источником функционирования процессов памяти, мышления, воображения» [329, с.41]. Л. М. Веккер также предложил рассматривать пространственно-временные отношения как сквозные для всех видов психических процессов, рассматривая пространственную структуру не только мышления или восприятия, но и пространство эмоций, пространство речи, пространственность сознания [81].

Таким образом, можно представить в пространственном виде все психические процессы и явления, а не только процессы, действующие на базе образных представлений; пространственны и все вербальные конструкторы. Как писал В. Порциг в своей книге «Чудо языка»: «Язык переводит все не наглядные отношения в пространственные. И это делает не какой-то один язык или группа языков, а все без исключения. Эта особенность принадлежит к неизменным чертам («инвариантам») человеческого языка. Временные отношения выражаются в языке в пространственных терминах: перед Рождеством и после Рождества, на протяжении двух лет. Когда речь идет о психических процессах, мы говорим не только о внешнем и внутреннем, но также о том, что происходит «выше и ниже порога» сознания, о подсознании, о переднем и заднем плане, о глубинах и слоях психики. Пространство вообще служит моделью для всех не наглядных отношений: наряду с работой любовь была больше честолюбия, за этой мерой стоял замысел – незачем приводить дальнейшие примеры, любое количество которых можно найти в каждом куске письменной или устной речи» [по 198, с.358–359].

Представление психического (психики вообще, психических процессов) как внутреннего пространства, свойственное авторам первого подхода, у авторов второго подхода перекликается с представлением всего внешнего мира как пространства для расширения в нем психического Я.

При втором подходе под индивидуальным или психологическим пространством обычно понимается определенная часть внешнего пространства, которая как-либо связана с человеком или которую он считает своей собственной. Согласно концепции Д. Я. Узнадзе, человек проявляет свои намерения, осознаваемые и неосознаваемые цели, установки во внешнем мире, можно сказать, он выносит себя во внешний мир, объективируется в нем. И таким образом занятый субъектом в процессе его объективации внешний мир можно рассматривать как индивидуальное пространство субъекта [296]. Индивидуальным можно считать область внешнего пространства, которое человек освоил или осваивает в процессе своей жизнедеятельности: пространство его дома, его работы, включая окружающих его людей, пространство, в котором человек живет. Исследование такого пространства может быть очень важным для изучения развития человека, его социализации в обществе. Как пишет Д. И. Фельдштейн: «Понимание принципиально новых условий и нового пространства функционирования растущего человека при дифференцированной оценке характера разных зон дальнего и ближнего действия приобретает в настоящее время особое значение в определении направленности, путей, форм организации воспитания, в том числе предусматривающих углубление процессов социализации и индивидуализации как главных механизмов взросления и влияния на него» [302, с.5].

В социальной психологии, в психологии делового общения под индивидуальным пространством понимают определенную пространственную зону, окружающую физическое тело, в которую человек как бы простирает свое Я. Такую территорию исследователи делят на зоны. «Размеры личной пространственной территории человека средне обеспеченного социального уровня в принципе одинаковы независимо от того, проживает ли он в Северной Америке, Англии или Австралии. Ее можно разделить на четыре пространственные зоны»: интимная зона (15–46 см), личная зона (46 см – 1,2 м), социальная зона (1,2–3,6 м) и общественная зона (более 3,6 м) [239, с.36]. Многие исследователи изучают внешние границы подобным образом понимаемого внутреннего пространства, распределение внимания по различным областям его [356, 367].

Однако территория, которую субъект считает своей, не обязательно ограничивается небольшим слоем, расположенным вокруг физического тела. Субъект, ассоциирующий себя с большой группой, может считать своей территорию города, страны, целой планеты. Обычно в этом случае речь идет о социокультурном пространстве, которое опять же для кого-то является внешним, а для кого-то внутренним. С. К. Бондарева рассматривает «единое образовательное пространство СНГ, которое образуется внутренними пространствами субъектов образовательного процесса. «Такое единое образовательное пространство, представляющее организованную саморазвивающуюся систему, включает в себе огромное число внутренних пространств, пересекающихся плоскостей, представляющих структурно содержательные поля, где свои образовательные пространства каждого государства составляют структурные элементы единого образовательного пространства Содружества Независимых Государств» [68, с.140].

В психологии восприятия под индивидуальным понимается часть внешнего пространства, доступная для восприятия: на основе аудиального анализатора – «перцептивное звуковое пространство» [15] или зрительного – «перцептивное зрительное пространство» [224]. Выделяемый таким образом объем обладает всеми свойствами истинного пространства: протяженностью, метрикой – его можно потрогать, можно увидеть, можно заполнить или не заполнять предметами. Однако он все-таки внешний.

В работах третьего подхода он становится внутренним. В наиболее общей форме исследователи этого направления рассматривают внутреннее пространство как пространство воображения или как отображение пространства внешнего в субъективных формах (в виде ментальных репрезентаций, чувственных образов).

Авторы, представляющие когнитивную парадигму в психологии, изучают отображение мира в виде «ментальных репрезентаций объектов» [221], категорий [72]; внутреннее пространство у них представлено совокупностью когнитивных карт, схем, планов, в которых представлены в том числе и пространственные свойства внешнего мира [62, 248]. «Слово «репрезентация» означает представленность, изображение, отображение одного в другом или на другое, то есть речь идет о внутренних структурах, формирующихся в процессе жизни человека, в которых представлена сложившаяся у него картина мира, социума и самого себя [272, с.136]. Даже чувственные образы представители этого направления рассматривают как ментальные репрезентации. По мнению С. Кослина и Дж. Померанца: «Образ – это пространственная репрезентация, подобная той, которая лежит в основе зрительного восприятия объекта» [378, с.72]. Важность сохранения понятия образа в когнитивной психологии подчеркивает Б. М. Величковский: «Структура психического отражения не может быть совершенно произвольна, как это имеет место в пропозициональных, синтаксических и семантических теориях. Чувственный образ презентует субъекту реальное положение дел в мире и правильно отражает релевантные аспекты ситуации» [84, с.275].

Другие авторы изучали отображение внешнего мира преимущественно в виде чувственных образов (изображений, слуховых и кинестетических образов реальности) [16, 17, 18, 20, 80, 82]. В своих последних трудах А. Н. Леонтьев развивал концепцию единого Образа Мира, представляющую собой индивидуальную для человека целостную субъективную картину окружающего его мира, опосредованную психическим отражением [278, 279, 186–188]. Аналогичную структуру В. А. Барабанщиков называл Мегаобразом [34], а А. А. Гостев – «интегральным образом реальности». «Интегральный образ реальности строится /.../ в результате синтеза последовательных, растянутых во времени отображений отдельных аспектов реальности с их последующей непрерывной обработкой на уровне репродуктивных образов, образов воображения, сновидений и др.» [109, с.36].

Внутренний мир, в рамках этого направления, – вся совокупность образов (образов – перцептов внешних предметов, образов – как игры воображения, образов сновидения), про-

ходящих перед нашими глазами. Такой мир, возникающий за закрытыми глазами субъекта, обладает всеми свойствами реального пространства (протяженностью, метрикой).

Исследования Р. Шепарда, Л. Купера, С. Кослина показали, что процессы, происходящие во внутреннем плане, подчиняются тем же законам, что и реальные во внешнем. Например, трансформации зрительных образов: вращение, сравнение, конструирование и т. п. показали, что характер осуществляемых во внутреннем плане операций аналогичен физическим операциям во внешнем пространстве [393]. Мысленное сканирование воображаемой карты аналогично перцептивному сканированию реальных карт, например, время реакции зависит от расстояния между сканируемыми точками, независимо от того, находятся ли они во внешнем или во внутреннем пространстве, и время визуализации также определяется близостью предметов в реальном мире [377].

Именно в пространственных терминах Б. Ф. Ломов и Л. М. Веккер [83] описали основные свойства чувственного образа.

1. Предметность. Воображаемый образ отражает свойства предмета.
2. Объективированность. В образе объект отражается вне отражаемого субстрата, во внешнем по отношению к нему пространстве.
3. Субъективность образа. Для стороннего наблюдателя невозможно непосредственно воспринять образы другого человека.
4. Пространственно-временные свойства объектов отражаются в масштабе самих объектов, но не в масштабе носителя изображения.
5. Макроскопическая непрерывность. Психические изображения представляют собой целостное единое образование.

Именно вследствие того, что чувственный образ играет роль регулятора действий во внешней среде, обеспечивая их адекватность, регулирующий образ должен обладать всеми пространственными свойствами: обладать протяженностью, длиной, шириной и высотой, заполнять какой-либо объем, располагаться в определенном положении по отношению к субъекту и объектам внешнего мира и т. п. [80]

Исходя из этих наиболее разработанных в нашей науке представлений, мы попробуем дать определение внутреннего пространства, которым будем пользоваться далее. В самом общем и широком смысле слова *внутреннее пространство* – это форма существования психического вообще. В более узком смысле слова *внутреннее пространство* – это форма существования внутренних образов.

Начнем с того, что идея рассматривать внутреннее пространство как особое образование, не сводимое к прочим конструкциям (ментальным репрезентациям, образам, психическим процессам), не нова. Одним из исследователей, впервые обратившимся к этой категории, был Н. А. Бернштейн, предположивший, что такое пространство может быть локализовано в головном мозге. «В верховном моторном центре мозга (очень возможно, что это кора больших полушарий) локализационно отображено не что иное, как какая-то проекция самого внешнего пространства в том виде, в каком оно моторно дано субъекту. Эта проекция должна быть конгруэнтной с внешним пространством: но конгруэнтной только топологически, а не метрически... Надо только оговориться, что топологические свойства проекции пространства в центральной нервной системе на поверку могут оказаться очень неожиданными и странными: не следует надеяться увидеть в головном мозге что-то вроде фотографического снимка пространства, хотя бы и очень деформированного» [58, с.70].

А. А. Бодалев писал о формировании «у человека, живущего в объективно существующем пространстве, реального мира с его объективной и событийной наполненностью, субъективного пространства этого мира, характеристики которого всегда несут на себе печать свое-

образия труда, общения, познания каждого конкретного человека» [65, с.26]. Определенное таким образом субъективное пространство уже не связано вплотную с проекцией внешнего мира на пространство головного мозга. Топология и метрика его зависят от жизненного пути человека, особенностей его трудовой деятельности, общения. Более того, по Л. М. Веккеру, спецификой психического пространства вообще является вынесение его за пределы отображающего субстрата. «Итоговые характеристики любого психического процесса в общем случае могут быть описаны только в терминах свойств и отношений внешних объектов, физическое существование которых с органом этого психического процесса совершенно не связано и которое составляет его содержание» [81, с.21].

По мнению Л. П. Гримака, построенное таким образом внутреннее пространство это не только теоретическая абстракция. Существование такого пространства он неоднократно подтверждал клиническими наблюдениями. «Важность этого психологического механизма состоит в том, что в нем запечатляются и моделируются пространственные аспекты внешней жизнедеятельности организма. Специфика такого моделирования может проявляться «нестандартным» поведением субъекта, а в некоторых случаях и быть причиной невротических нарушений» [112, с.88]. В ряде случаев структура внутреннего пространства была связана с невротическим поведением пациента, в других случаях, наоборот, патогенное воздействие на человека (стресс) приводило к изменению топологии его пространства. Наконец, с помощью гипнотерапии, изменяя структуру психологического пространства, можно добиться излечения человека, исчезновения у него невротических симптомов и восстановления психического здоровья.

На первый взгляд, внутреннее пространство – это та субъективная протяженность, в которой индивид располагает объекты своего внутреннего мира, отображение внешних предметов, ментальные репрезентации, чувственные образы, образы-представления. При таком определении внутреннего пространства возникает вопрос о соотношении понятий внутреннего пространства и внутренних образов. Очевидно, что образы не могут существовать без пространства (образы по определению несут в себе пространственно-временные характеристики. Но точно так же не может существовать пространство без образов. Как считает В. А. Барабанщиков: «Перцептивное содержание, лишённое внутренней организации, также невозможно, как невозможна перцептивная структура, лишённая какого-либо содержания» [34, с.160].

До создания А. Эйнштейном его теории считалось, что если из Вселенной убрать всю материю, останутся пространство и время, согласно же его теории вместе с материей из Вселенной исчезнут и пространство и время, ибо пространство и время не свойства мироздания, а формы существования движущейся материи. Если окружающее нас пространство, в объективности которого не приходится сомневаться, согласно теории относительности есть лишь форма существования материи, т. е. материальных вещей и предметов, то не следует ли ожидать чего-то подобного и при описании внутреннего пространства?

Тогда внутреннее пространство будет не чем иным, как формой существования внутренних образов. Признание внешнего пространства формой существования материи не приводит к его объективному исчезновению в нашей существующей реальности. Для наблюдателя материя регистрируется как материя, пространство как пространство, а километры непройденного пути остаются все теми же километрами, не взирая на торжество теории относительности. Также и определение внутреннего пространства как своеобразной формы существования чувственных образов сохраняет и для образов, и для пространства их феноменологическую независимость и не сводит одно к другому. Итак, будучи по большому счету формой существования чувственных образов, субъективно внутреннее пространство является психической реальностью. Можно сказать так, что существует материя и существует пространство. Теория относительности предполагает, что второе – форма существования первого.

Если внутреннее пространство является психически опосредованным отражением внешнего мира, закономерно предположить, что существующие отношения между материей и пространством могут иметь место и на уровне психики. Психическим аналогом материальных объектов, очевидно, являются ментальные репрезентации, перцептивные образы, образы-представления. Значит, внутреннее пространство может представлять собой форму существования чувственных образов. При анализе конкретных переживаний, впрочем, можно изучать внутреннее пространство и внутренние образы как отдельные феномены. Однако мы должны понимать, что внутреннее пространство без внутренних образов невозможно, как и внутренние образы невозможны без внутреннего пространства. Поэтому описание внутреннего пространства как «области, заполненной образами» – лишь упрощенное представление пространства как формы существования внутренних образов.

А как же в этом случае понимать безобразное мышление, человек мыслит, фантазирует и даже воображает людей и предметы без представления «мысленных картин»?

Как известно из современной литературы, одним из основных различий между образами является их образность или вербализуемость [386] (художественный и мыслительный типы по И. П. Павлову [230]). Известно, что одни люди «видят» внутренним взором достаточно ярко (good imagers), другие испытывают трудности с «мысленной картинкой» (poor imagers), третьи вместо наглядных образов имеют понятийные конструкции. Соответственно выделены четыре типа образности у людей в зависимости от преобладания у них вербальной или образной составляющей: а) мыслящие конкретными образами, б) с большим удельным весом внутренней речи, в) безобразно, г) смешанный тип [390]. По данным А. А. Гостева, полностью безобразное мышление (т. е. наглядные образы отсутствуют) встречается у 2 % всех людей [109].

Однако даже такое безобразное мышление пространственно, поскольку человек, представляя события и объекты, все равно размещает их в пространстве «вокруг себя», хотя и не визуализирует их. С. Л. Рубинштейн считал наглядно-образное и абстрактно-теоретическое двумя аспектами единого мыслительного процесса. «Всякое мышление совершается в более или менее обобщенных, абстрактных понятиях, и во всякое мышление включаются более или менее наглядные чувственные образы; понятие и образ-представление даны в нем в неразрывном единстве» [263, с.334].

Поэтому в НЛП людям с безобразным мышлением при построении временной линии предлагается представлять образы, как «якобы» мысленные картины; при этом испытуемым предлагалось дать пространственную характеристику таких «якобы образов» – где, в каком месте реального пространства они располагаются, каков их размер и т. п., – и люди, утверждающие, что они не видят внутренних образов, прекрасно справлялись с заданием [21, 22, 51]. Поэтому даже невидимые внутренние образы, даже преимущественно вербализованные структуры – пространственны, т. е. своим существованием образуют внутреннее пространство личности. В экзистенциальной психологии определялось: «пространство – это не среда (реальная или логическая), в которой расположены вещи, а средство, благодаря которому положение этих вещей становится возможным. То есть вместо того, чтобы воображать пространство как нечто вроде эфира, в который погружены все вещи, или абстрактно понимать его как некую особенность, общую для всех вещей, нам следует мыслить его как универсальную возможность их взаимодействий» [214, с.312].

До сих пор, говоря о образах, мы имели в виду преимущественно зрительные образы, а говоря о внутреннем пространстве, имели в виду его как форму существования именно зрительных образов. Однако существуют исследования внутренних пространств, образованных аудиальными [291] и тактильно-кинестетическими образами [20]. Да и формирование зрительного образа осуществляется при неприменном участии моторики (движения глаз при восприятии предметов). Кроме обычных движений глаз, с помощью которых осуществляется «съем информации из внешнего мира», В. П. Зинченко описывает викарные перцептивные действия,

с помощью которых «информация снимается со следа (со стабилизированного образа или послеобраза), накопленного сетчаткой [143, с.236]. Моторный компонент существует и при визуализации вторичных образов; даже сновидения сопровождаются быстрыми движениями глаз, по мнению некоторых авторов, эти движения соответствуют движениям глаз при разглядывании реальных предметов [181, 204, 379]. При психологических травмах навязчивые зрительные образы, постоянно «стоящие перед глазами» и возвращающие тяжелое переживание, также связаны с фиксацией определенных движений глаз и могут излечиваться при изменении таковых [330]. В экзистенциальной психологии прямо предполагается наличие у человека «тактильного квазипространственного поля», в которое вписываются первые визуальные восприятия. Это следует из того, что «каждый орган чувств изучает объект специфично, что он выступает от имени определенного типа синтеза, но если только не сохранять слово «пространство» в качестве номинального определения для визуального синтеза, невозможно отказать осязанию в пространственном измерении в смысле схватывания принципа сосуществования элементов», /.../ истинное зрительное восприятие подготавливается в ходе известного переходного периода и посредством своего рода осязания глазами» [214, с.287]. Таким образом, внутреннее пространство личности, даже определенное только через форму существования зрительных образов подразумевает моторный (и даже осязательный компонент). Вероятно, для людей с нормальным развитием всех анализаторов не существует отдельных пространств для аудиальных и тактильно-кинестетических переживаний, они участвуют в формировании единого внутреннего пространства. Существование синестезий является убедительным тому доказательством. Синестезии представляют собой явление, «состоящее в том, что какой-либо раздражитель, действуя на соответствующий орган чувств, помимо воли субъекта вызывает не только ощущение, специфичное для данного органа чувств, но одновременно еще и добавочное ощущение или представление, характерное для другого органа чувств» [243, с.363]. Известная форма синестезии – цветной слух, при котором звук, наряду со слуховым ощущением, вызывает и цветовое, хотя в реальности чаще встречается менее заметная запахово-вкусовая синестезия, когда запах вызывает одновременно и ощущения вкуса (причем относится это не только к продуктам, которые человек раньше пробовал, но и к принципиально несъедобным вещам: запах краски, бензина, пыли и т. п.).

К аналогичному выводу о единстве сенсорно-перцептивной организации человека пришел Б. Г. Ананьев, определяя его как «единую систему анализаторов всех без исключения модальностей», включенную в общую структуру человеческого развития [18, с.61].

Таким образом, внутреннее пространство представляет собой форму существования внутренних образов, преимущественно зрительных, но включающих в себя моторный, тактильно-кинестетический и аудиальные составляющие. Образы могут быть визуализированными (представленными в виде «мысленной картинки») или вербализированными (представленными в виде словесного описания) в поле носителя.

Однако где именно располагается это субъективно внутреннее пространство, т. е. в каком пространстве находятся чувственные образы? На этот вопрос нелегко ответить.

Некоторые авторы, предполагают, что объективно внутреннее пространство находится в коре головного мозга, соотнося внутреннюю структуру психического пространства с процессами, протекающими в центральной нервной системе, например, как отражение физического (объективного) пространства, левая и правая стороны которого соответственно «репрезентированы в полушариях мозга» [71]. Эта точка зрения получила мощное экспериментальное подтверждение в нейропсихологии. Она подтверждается существованием разных видов агнозий – нарушений восприятия, возникающих при поражениях мозга различной этиологии. В зависимости от локализации поражения в мозге может нарушаться восприятие какой-либо области внешнего пространства, человек не видит (не воспринимает) информацию с правой или левой половины поля зрения, с верхней или нижней. При этом нарушается не только процесс воспри-

ятия, но и воспроизведения. Если предложить такому больному нарисовать (воспроизвести) какой-либо рисунок, он рисует его только в значимой части листа (верхней, нижней, правой или какой-либо еще), полностью игнорируя остальное пространство [129, 167]. По мнению Т. А. Доброхотовой и Н. Н. Брагиной, односторонние пространственные агнозии сопровождаются как нарушениями восприятия (одностороннее невнимание, одностороннее неузнавание), так и нарушениями интрапсихической образной сферы: односторонние ложные узнавания (психосенсорные иллюзорные и галлюцинаторные расстройства) и «односторонние нарушения чувственных представлений, образной памяти, особенно яркие для зрительных представлений и памяти» [129, с.7].

При исследовании Шепардом мысленного вращения предмета больными с поражением правого полушария была отмечена тенденция игнорировать левую половину мысленного образа [по 365]. У здорового человека право-левостороннее распределение внимания также связано с межполушарной асимметрией [389]. Исследования эволюции и кросскультурных различий пространственных способностей человека, проведенные А. Ardila [357], показали связь пространственных способностей индивидуума с географическими условиями и пространственной средой его проживания. А. Ardila интерпретирует свои результаты с точки зрения нейропсихологической теории организации пространственных способностей в мозге, основываясь на данных кросскультурных исследований, нейропсихологических тестах и клинических наблюдениях.

Получается, что при нарушениях работы отделов мозга нарушается не только восприятие внешнего пространства, но и воссоздание собственного пространства воображения. Все верно.

Но все же размещение внутреннего пространства человека только в структурах головного мозга наталкивается на ряд непреодолимых трудностей. Во-первых, если бы в нервной системе хранились все в чистом виде внутренние образы человека, они бы просто не уместились. Во-вторых, существует чисто пространственное несоответствие между масштабом внутренних образов и размерами нервного субстрата [284]. В качестве одного из основных свойств чувственного образа Б. В. Ломов и Л. М. Веккер описали «отражение пространственно-временных свойств объектов в масштабе самих объектов, а не носителей изображения» [83], величину здания человек воспринимает не в миллиметрах и сантиметрах сетчатки, а в метрах, соответствующих величине самого здания. Действительно, образы нашего воображения могут быть по размерам больше всего головного мозга. Это положение, как будет показано далее, относится не только к объективированным образам (расположенным вне субъекта), но и к необъективированным, даже те образы, которые испытуемый располагает «внутри головы», субъективно ему могут представляться очень большими, значительно больше объема черепа.

Поэтому большинство авторов полагают, что в головном мозге хранятся только нейрофизиологические «коды» образов внутреннего пространства, сами же образы, будучи внутренними по своей природе, пространственно же располагаются в мире внешнем. Пропозициональная модель, ориентирующаяся на формально-логическое описание когнитивного опыта, описывает генерирование образов вследствие активации гипотетической нейрофизиологической структуры – зрительного буфера (в компьютерной аналогии: коды – программа, образы – катодные лучи, сознание – экран [377]). Л. М. Веккер неоднократно подчеркивал в своих работах «парадоксальные свойства внутреннего пространства, его внеположенность к пространству носителя, и прямая отнесенность к физическому пространству» [80–83]. В концепции Образа Мира А. Н. Леонтьева сей образ «не субъективен», он представляет собой «явление предмета». Именно поэтому присутствующие во внутреннем пространстве индивидуума чувственные образы формально располагаются в мире внешнем, «всякая перцептивная деятельность помещает свой объект там, где он реально существует во внешнем мире в объективном пространстве и времени» [186].

Наконец, немного особняком стоит гипотеза Т. А. Доброхотовой и Н. Н. Брагиной, согласно которой индивидуальное пространство человека является «самостоятельным, дополнительным к мировому, пространством, существующим наряду с ним и только потому, что есть данный конкретный человек» [128, с. 194]. Однако в этом случае появляется вопрос, где же все-таки оно находится, это дополнительное к мировому пространство? Это сложный вопрос, и к возможным вариантам ответа на него мы вернемся в последнем разделе этой главы. Пока же попробуем разобраться в другом вопросе. Если структура и протяженность внутреннего пространства не диктуются объектными формами внешнего мира, тогда отчего же они зависят. Очевидно, что только от субъекта – носителя и творца своего внутреннего пространства.

До сих пор мы не делали различий между образами – отражениями конкретных предметов (перцептивными образами) и образами, порожденными воображением субъекта. Однако между ними есть значительная разница. Если в образах-перцептах еще сохраняется большинство геометрических, физических характеристик отраженного предмета (соответствие размера и расположения), то для вторичных образов это практически не так. Именно о перцептивных образах говорили авторы, отмечавшие их «несубъективность», «предметность», «расположение во внешнем пространстве, на том месте, где объективно находился отражаемый предмет». (А. Н. Леонтьев, Л. М. Веккер). Однако абсолютное большинство чувственных образов являются для человека не перцептами непосредственно отраженных предметов, а представлениями (вторичными образами): образами памяти, образами воображения, относящимися к прошлому или будущему субъекта. Важнейшей проблемой психологии восприятия является проблема адекватности образа предмету [85]. В общем, конечно же, образ, даже вторичный, адекватен предмету, другое дело, что эта адекватность не столько физического, сколько личностного плана. Для таких образов строгое соответствие образов предметам нарушается (да и где те предметы). Как пишет А. А. Гостев, «вторичный образ отличается пространственной панорамностью, которая заключается в расширении объема компонентов пространственного поля, выходящего за пределы перцептивного аналога... В образе происходит выпадение абсолютных величин объекта (несохранение числа однородных его элементов и нарушение воспроизводства абсолютных размеров отображаемых объектов)». Образы схематизированы за счет многоуровневых преобразований геометрической формы объекта в его топологическую схему, при этом случайные признаки отсеиваются, что позволяет сохранять максимум информации о воспринимаемом объекте [82, 196, 197]. Наряду со снижением предметных характеристик все большее значение приобретают субъектные. «Можно сказать, что образ представляет собой субъективную форму объекта, он порождение внутреннего мира данного человека. Уже в процессе формирования образа на него воздействуют установки, интересы, потребности и мотивы личности, определяя его уникальность и особенности эмоциональной окраски» [110, с.30].

Как показали современные исследования, эмоциональный компонент является частью самого образа [27]. Это связано с тем, что одной из функций образов является эмоционально-экспрессивная. «Порождение образа связано прежде всего с эмоционально-мотивационной сферой человека (любая эмоция попадает в сознание посредством соответствующего образа) и определяется преимущественно неосознаваемыми мотивами» [109, с.128]. С этим связано существование хорошо известных в терапии импрессивных образов. Это вторгающиеся в сознание навязчивые образы, вызывающие тяжелые эмоциональные переживания. Мотивационные и защитные механизмы человеческой личности вносят свой вклад в формирование образа [155]. Неосознаваемые эмоции, как и сознательные эмоциональные переживания влияют на скорость визуализации и характер образа [228, 354].

Таким образом, переживание, как личностная характеристика событий и состояний, является составной частью самого образа. Кроме эмоциональной регуляции (мотивационной, защитной) важной функцией образа считается его существование как регулятора действий. М. Познер считал, что образ может быть понят как основной код, представленный в виде про-

странственной картины, содержащей детальную информацию о характере движения. В отечественной психологии традиционно подчеркивалась роль образов в осуществлении деятельности и ее регулировании [251]. Другая важная функция образов – это их прогностическая или антиципирующая роль. Антиципация на уровне представлений о будущих действиях включается в планирование; образ также может служить эталоном, обеспечивающим контроль и коррекцию текущих действий.

Перечисленные выше функции образа свидетельствуют о его сложной многоуровневой структуре. Образ – образование, выполняющее информационную, эмоционально-экспрессивную, антиципирующую и регуляторную роль в психике человека. Все это свидетельствует о личностной природе образов [147, 382].

Поэтому внутреннее пространство не является отражением пространства внешнего, а представляет собой сложное личностное образование, где наряду с психически преобразованным объектом гораздо в большей степени представлен сам субъект.

Как пишет К. А. Абульханова: «Сознание в отличие от познания, дающего объективную картину мира, абстрагирующуюся от позиций и пристрастности субъекта, отражает мир относительно к субъекту. В психологии может быть разработана своеобразная теория относительности: человек воспринимает не только то, что есть в мире в целом, но прежде всего то, что для него самого значимо, актуально» [7, с.161]. В частности показано влияние эмоций на скорость визуализации образов. Например, время визуализации лиц всех эмоционально нейтральных испытуемому примерно одинаково, а время представления эмоционально значимых людей резко отличается. Чаще всего положительное эмоциональное отношение вело к возрастанию скорости визуализации, а отрицательное – к ее снижению. Образы приятных нам людей появляются быстрее, а неприятных медленнее [228]. По мнению З. Фрейда, образы некоторых особенно неприятных людей могут вытесняться и не появляться вообще [314].

В зависимости от отношения человека к предметам (людям или событиям) изменяются и пространственные характеристики образов. Образы значимых (уважаемых) людей мы часто представляем субъективно выше в пространстве воображения, а незначительных (неуважаемых нами) ниже, хотя объективно сами люди находятся на одном уровне, прямо перед нами [22]. Подавляющие образы – это события, когда-то испугавшие нас, которые мы с тех пор визуализируем очень большими и очень близкими, а отнюдь не такими, каковыми они были в реальности. [207]. Образы прошлого отличаются между собой по форме, яркости, месторасположению в пространстве носителя не только из-за реальности изображенных в них событий, но и по тому, насколько мы это событие приукрашиваем в своем воображении [124]. Существует достаточно значительная разница в цвете, размере, месторасположении, структуре и между образами будущего в зависимости от того, собираемся ли мы в глубине души это будущее реализовать или нет [21]. По мнению К. Юнга, мы можем помещать некоторые вытесненные образы по отношению к себе даже в таких местах, где они никогда в реальности не видимы – за спиной, в пространстве позади себя [343].

Таким образом, внутреннее пространство личности создается (порождается) самой личностью. Во-первых, именно личность, являющаяся субъектом собственной жизнедеятельности [1], также выступает и центром активности, конструирующей мир собственного воображения. Во-вторых, в топологии внутреннего пространства наряду с характеристиками претворенного объекта выражаются и собственно личностные характеристики человека, его ценностные ориентации, его чувства к событиям и людям, его намерения и мотивация, его настойчивость и отношение к себе.

1.2. Чувственные образы как пространственно-временные гештальты

Надлежит проанализировать еще одну особенность внутреннего пространства, а именно – воспроизведение в нем в форме пространственных параметров временных характеристик отражаемого объекта и собственных темпоральных предпочтений субъекта. Время воплощается в структурах внутреннего пространства уже потому, что большинство вторичных образов относятся или к нашему прошлому или будущему. Поэтому, говоря о внутреннем пространстве, необходимо проанализировать и его темпоральную составляющую. В сущности время в нашей жизни выступает в двух аспектах: как процесс (тикающие часы) и как результат, и этот-то результат и проявляет себя в пространственных характеристиках (построенный дом, защищенный диплом, морщины на лице). Более подробно о внутреннем времени человека как процессе мы поговорим в специальной главе, здесь же остановимся на результате.

Такая особенность внутреннего пространства человека (а именно – воплощение в нем пространственных и временных координат) не является чем-то уникальным в нашем мире. Проходящее время всегда откладывается в пространственных параметрах: в биологических объектах (кольца на стволе дерева, позволяющие проследить всю историю дерева, засушливые и дождливые годы), в геологических масштабах (геологические слои и пласты), в любой химической реакции (зримо, объемно накапливаются продукты реакции – осадок, столб жидкости).

Современные представления о мироздании включают в себя представления об единстве пространственных и временных его характеристик, начиная от самых простейших форм существования материи до самых сложных.

Это известно для физического пространства. По Эйнштейну, единый пространственно-временной континуум представляет собой ни пространство как таковое, ни время само по себе, ни сам по себе некоторый род их единения, но является воплощением необходимой связи того и другого в том едином, что он называет физическим многообразием мира. То же верно, как мы увидим ниже, и для более сложных форм движения материи, а именно для психологического и личностного пространства – времени. Как и физический, психологический пространственно-временной континуум не может быть получен простым сложением 3-мерного пространства и пространственноподобного времени, он представляет собой более сложное образование.

Что касается биологического пространства, то с возникновением жизни появляется новое биологическое пространство и новое биологическое время [297]. Биологическое пространство в отличие от пространства физического характеризуется неевклидовыми, новыми видами асимметрии, появлением эффектов левизны и правизны в живом веществе, обособлением внутреннего пространства от пространства внешней среды. Предполагается, что живые существа ориентируются во времени, основываясь на собственных внутренних биологических часах [86, 340].

А также для ряда других более сложных форм протяженностей, поскольку существуют различные формы движения материи (биологические, психологические, социальные, исторические) [217]. Многие авторы выделяют специфические пространственно-временные формы: социокультурное пространство [309], пространственно-временная структура танца [141], поэзии [292], музыки [341] и т. п.

Одной из наиболее известных концепций, позволяющих связать пространство и время движения сложных форм движения материи, является концепция хронотопа. Термин хронотоп ввел в практику А. А. Ухтомский как форму существования живой материи, находящейся в живом движении. Связь пространства и времени в хронотопе носит более тесный характер, они приобретают способность переходить друг в друга. Как писал В. П. Зинченко, характери-

зую хронотоп, «пространство и время подверглись в нем деятельностно-семиотической переработке, они выступают в нем в превращенной форме вплоть до того, что реальное движение в пространстве трансформируется в остановленное время, а последнее в свою очередь трансформируется в движущееся пространство» [142, с. 317].

С другой стороны, хронотоп является целостной структурой, гештальтом, формируясь в конкретной деятельности, он сохраняет ее структуру. Говоря о пространственно-временной структуре танца, американский исследователь Зигфрид отмечает, что «структура эта складывается в самом начале исполнения группового танца. Возникнув, она определяет во времени и пространстве точки отсчета и тем самым накладывает на движения участников определенные ограничения» [141, с. 132]. И вообще «объекты, описываемые исключительно как пространственно-временные отношения, могут быть не менее реальны, чем объекты материальные» [292, с.83].

А. А. Ухтомский рассматривал как пример хронотопа прежде всего процессы, протекающие в центральной нервной системе живого существа. В этих процессах наиболее явно выразился основной принцип хронотопа – единство и взаимопереход временных и пространственных характеристик объекта.

Современные исследования в области нейробиологии и физиологии высшей нервной деятельности подтверждают гипотезу хронотопа [173, 282]. Согласно интересной концепции американского исследователя Джера Леви, описывающей соотношение правого и левого полушарий, как взаимоотношений познавательных функций, левое полушарие располагает пространственную информацию во временном порядке, а правое – временную информацию в порядке пространственном. Понимание же состоит в каком-то смысле по преимуществу в том, что одна форма упорядочения информации то и дело преобразуется в другую: пространственная во временную, а временная в пространственную. В итоге получается что-то вроде стереоскопического постижения глубины [381]. «Возможно, не случайно в английском, французском, венгерском, арабском, японском и почти наверняка во всех прочих языках слова «длинный» и «короткий» могут означать как временную продолжительность, так и пространственную протяженность. Эта переходно модальная эквивалентность речевого выражения, вероятно, связана с врожденной эквивалентностью соответствующих мысленных представлений. При постоянной скорости движения расстояние между точками линейно коррелирует со временем перемещения между ними, поэтому в ходе эволюции мозга учет такой эквивалентности должен был бы оказаться полезным» [184, с.235].

Поскольку пространственно-временные характеристики большинством исследователей [80, 381] рассматриваются как сквозные, то свойствами хронотопа обладают все психические образования, их включающие, начиная с уровня сенсорного отображения, кончая уровнем личностной организации.

Свойствами хронотопа обладает исторический путь, пройденный человеческой цивилизацией, культурно-историческое развитие человечества, «социокультурное пространство» Флоренского [309]. М. М. Бахтин изучал особенности хронотопа художественной литературы, написанной в различные исторические эпохи. «В литературно-художественном хронотопе имеет место слияние пространственных и временных примет в осмысленном и конкретном целом. Время здесь сгущается, уплотняется, становится художественно-зримым; пространство же интенсифицируется, втягивается в движение времени, сюжета, истории. Приметы времени раскрываются в пространстве, и пространство осмысливается и измеряется временем» [37, с. 121–122].

Свойствами хронотопа также обладает жизнь отдельного человека, точнее его жизнедеятельность. Это следует из работ К. А. Абульхановой, в которых жизнедеятельность раскрывается как то «пространство», и тот масштаб анализа личности, в котором собственно улавливается ее развитие; жизнедеятельность есть также и то «время», в котором осуществляются

изменения личности, происходит деление на «настоящее», «прошлое», «будущее» [4, с.20]. Деятельность личности рассматривается как специфически активный хронотоп или особое время-пространственное образование в работах Ковалева В. И. [163–165]. В. Я. Ляудис предложила типологию самоорганизации личности на основе различных хронотопов памяти: от досознательной произвольной до метапамяти [205].

Психологические функции более высокого уровня интеграции, такие, как простейшие когнитивные акты [80, 359], память [205], также хронотопичны. Поскольку субъект изначально активен, то высшие психические функции представляют собой активный хронотоп, то есть их активность хронотопична. Как писал Ж. Пиаже: «Уже простейшие когнитивные функции, такие, как восприятие, навык, память, продолжают это равновесие как в пространстве (восприятие удаленных объектов), так и во времени (предвосхищение будущего, восстановление в памяти прошлого), но один лишь интеллект, способный на все возвраты в действии и мышлении, лишь он один тяготеет к тотальному равновесию, стремясь к тому, чтобы ассимилировать всю совокупную действительность и чтобы аккомодировать к ней действие, которое освобождает от рабского подчинения изначально «здесь» и «теперь» [237, с.68].

Оригинальный механизм такой организации предложен J. Brown, определенный им как процесс капсулирования [359]. Согласно его концепции, именно мышление преобразует континуальность психологического пространства-времени в отдельные моменты Абсолютного Теперь (наполнение капсулы). И далее мышление мысленно выстраивает из этих моментов непрерывную цепь (последовательность капсул). Исследования внутренних психических процессов показали, что они также хронотопичны. В большинстве из них выполняется важнейшее свойство хронотопа – взаимный переход пространственных и временных характеристик. С точки зрения А. Блюментала временная последовательность трансформируется в пространственные симультанные структуры восприятия, памяти или мышления.

Особенно это относится к интересующему нас процессу формирования мысленного образа. «Ярким примером взаимной трансформации пространственно-временных свойств живого движения служит процесс формирования образа. В этом процессе отчетливо наблюдается трансформация временных характеристик движения в их пространственный слепок» [106, с.195–196]. «В образе всегда присутствуют неотделимые друг от друга пространство и время» [142, с.318].

Недаром именно образы Л. М. Веккер определял как «пространственно-временные образные гештальты». При формировании такого гештальта на уровне сенсорно-перцептивных процессов происходит преобразование сукцессивного временного ряда в целостно-пространственную структуру. Механизм подобного преобразования хорошо изучен и для слухового анализатора [80, т.3], и для тактильно-кинестетического [20], и для зрительного. Воспроизведение образа в психическом пространстве происходит за счет пространственной развертки временной последовательности восприятия элементов предмета. «Временные компоненты сенсорных гештальтов представлены как инвариантная форма воспроизведения и оценки временной последовательности и длительности. Последовательность была представлена как топология пространства, а длительность соответствовала его метрике» [80, т.3, с.225]. При исследовании сенсорно-перцептивных процессов осязания, слуха и зрения было показано, что временные компоненты – длительность и последовательность – переходят в пространственные: длину, площадь и расположение [83].

Таким образом, мы видим, что на уровне сенсорного пространства и сенсорного времени происходит взаимопереход временных и пространственных характеристик, при этом длительность времени определяется через пространственную длину, а последовательность событий кодируется расположением в пространстве.

Как показано исследованиями К. А. Абульхановой и ее школы, личностное пространство – время также хронотопичны [7]. В работах В. И. Ковалева предполагается, что пространство

и время на уровне личности образуют транспективу [164]. Представление о транспективе В. И. Ковалева близко к тому, что мы понимаем под внутренним пространством. Это особое личностное образование, представляющее собой объединение зрительных образов, относящихся к прошлому, настоящему и будущему человека, при этом это не просто совокупность образов в пространстве, она – само пространство, потому что подразумевает «обозрение индивидом течения времени собственной жизни в любом его направлении, на любом его «участке». ИВТ (индивидуальная временная транспектива – *прим. мое – Т. Б.*) как «сквозное видение» в прошлое и будущее в их взаимосвязи и в связи с настоящим (и в настоящем) подразумевает особую психическую способность индивида к связыванию этих временных компонентов человеческой жизни в сознании и подсознании» [163, с.183].

Объединение временных и пространственных характеристик человеческой жизни в образной сфере подробно исследовано в одном из современных направлений психотерапии – нейролингвистическом программировании [21,22, 43,44]. Временные линии, предлагаемые нейролингвистическим программированием в качестве психотерапевтического средства позволяют представить в пространстве прошлое, настоящее и будущее конкретного человека в виде последовательности образов разных лет жизни. По мнению авторов методики, «самая распространенная субмодальность, используемая людьми для сортировки времени, – это местоположение. Если подумать, в этом есть смысл. Зрительная система идеальна для одновременного представления множества событий. Если вам нужно расположить множество репрезентаций последовательно, то местоположение – превосходный способ сделать это» [22, с.14]. Разработанная нами интрапсихическая образная модель личностной организации времени также является хронотопом, именно в такой форме проявляется во внутреннем пространстве единство пространственно-временных характеристик, отмеченное на всех уровнях организации материи. Именно в образной сфере личности наиболее заметной становится взаимосвязь временных и пространственных характеристик.

2. Эмпирическое исследование топологии внутреннего пространства

2.1. Структура образного континуума

Целью нашего исследования явилось изучение особенностей структуры и топологии внутреннего пространства по отношению к его носителю. Естественно, что организатором внутреннего пространства выступает человек – субъект. Представляя зрительные образы, он как-то располагает их по отношению к самому себе (своему телу), формируя образную сферу прямо перед собой или помещая ее над собой, иногда он воспроизводит все образы слева от себя или справа.

Что означает то или иное расположение образного континуума, какие психологические, личностные свои особенности человек вкладывает в ту или иную структуру?

Выражает ли представление образа человека или события в определенной части пространства воображения отношение человека к прототипам этих образов. Или наоборот, поскольку именно образ является регулятором собственных действий индивида [80, 106], то влияет ли соответствующее расположение образа на поведение человека, вынуждая его переживать эмоции и совершать поступки?

Представление о важной роли образов в организации психической жизни человека подробно исследовано как в отечественной, так и в зарубежной психологии [21, 22, 108]; созданы даже целые психотерапевтические направления, в которых преобразование образного континуума приводило к избавлению человека от фобий, депрессий, вредных привычек. Это и

имаготерапия [108], и особенно популярное ныне нейролингвистическое программирование [43,44]. Именно в нейролингвистическом программировании разработано положение о значимости пространственных характеристик образа («субмодальностей: размера, цвета и т. п.») в работе с психологическими переживаниями и проблемами. «Например, в то время, как вы вспоминаете приятный опыт, степень удовольствия, которое вы получаете из этого воспоминания, есть прямое следствие цвета, размеров, яркости и дистанции до визуального образа, который вы «держите» глазами своего воспоминания. /.../ Обучение манипулировать субмодальностями, такими как цвет, фокус, размер, дистанция, движение, высота, объем, положение, является первым шагом в развитии гибкости для контролирования ваших внутренних состояний» [207, с.16].

В качестве гипотезы нашего исследования мы предположили, что структура внутреннего пространства действительно отражает особенности психофизиологические, психологические и личностные черты человека.

1. Ряд показателей (право-левостороннее расположение образов) связан с особенностями функциональной асимметрии полушарий индивида.

2. Другие показатели определяют ценностное отношение человека к прошедшим или возможным будущим событиям жизни человека – расположение образов в верхней или нижней части пространства воображения.

3. Третьи показатели связаны с целевыми характеристиками самого человека, его способностями продумать и воплотить в жизнь изображенные в образе планы.

Согласно основной экспериментальной гипотезе нашего исследования мы предположили, что взаимосвязь пространственных и временных характеристик, существующая на всех уровнях, начиная с физического, в психике человека образует своеобразный образный континуум, последовательность расположения эмоционально-мысленных образов и другие особенности изображения воплощают ценность и репрезентируют способ переживания и воспроизведения личностью времени жизни, ее периодов, изменений и событий.

Однако моделирование такого континуума происходит непосредственно в субъективной психической реальности индивидуума, а «психологи лишены возможности непосредственно наблюдать структуру психики другого человека» (В. Н. Дружинин). Поэтому в качестве наиболее адекватного способа исследования психики на глубинном уровне (личность – жизненный путь) он рекомендует герменевтические методы исследования, а не естественнонаучные. И в качестве метода, позволяющего проникнуть к глубинным психическим процессам, наряду с пониманием В. Н. Дружинин рассматривает интроспекцию, представляющую собой «наблюдение субъектом состояний собственной субъективной реальности» [132, с.140].

В современной психологии наблюдается возрождение интереса к интроспективным методам исследования. А недостатки классической интроспекции заставляют исследователей искать все новые и новые способы заглянуть внутрь психических процессов [69, 147, 371]. Получают развитие герменевтические методы исследования, и в частности интерпретация [275]. Современные исследователи рассматривают интроспекцию как один из методов научного исследования, точнее, как группу таких методов [254]. Что же касается образной сферы, Хэбб полагал, что механизм образования психических образов есть не что иное, как искаженный механизм внешнего восприятия, поэтому субъективное вербальное описание собственных образов может быть отнесено к объективным методам исследования [373]. Чтобы преодолеть основные недостатки классической интроспекции: крайний субъективизм испытуемых в оценке своего опыта и невозможность сравнивать данные, полученные двумя разными людьми, – мы применили новую систему анализа образного материала.

Первым принципиальным моментом в нашей работе был подход к образу как к изображению (по Л. М. Веккеру и Б. Ф. Ломову [83]). Представление образа в виде изображения позволило нам сформулировать второй важный принцип нашего исследования. Мы решили отказаться от анализа *содержания* сознания, заключенного во внутреннем образе, потому что именно содержание наиболее субъективно и изменчиво, а провели анализ *формальных характеристик образа*, выделяемых методологией НЛП: особенностей его формы, величины, месторасположения в пространстве воображения.

Методика. В основу работы положена известная техника временных линий нейролингвистического программирования (С. и К. Андреасы) [22]. Данная техника творчески переработана под углом зрения личностной организации времени и апробирована на российской выборке.

Временная линия – это последовательность образов (мысленных картин), в которых индивидуум представляет события своего прошлого, настоящего и возможного будущего. Обычно мы предлагали респондентам представить четыре образа прошлого: 20-летней, 10-летней, 5-летней и годичной давности; один образ, относящийся к настоящему времени; и пять образов будущего: через 1 год, через 5 лет, через 10 лет, через 20 лет и через 50 лет. Иногда предлагалось представить дополнительный образ «через 100 лет». Всего 10–11 образов.

Для стандартизации представлений всем испытуемым предлагается воображать в картинах одно и то же максимально общее событие, например «как они умываются», «как чистят зубы», или «как принимают пищу» и т. п. Если испытуемый утверждал, что он «не умеет представлять образы» (безобразный тип мышления), то ему предлагалось представлять мнимые картинки.

Образно представляя эти события, испытуемый как-то их располагает в пространстве своего воображения. Одни образы ему представляются ближе, больше, ярче; другие дальше, меньше, туманнее. Далее испытуемый сообщает интересующие экспериментатора характеристики своих образов.

В результате мы получали информацию о следующих формальных особенностях мысленных образов прошлого, настоящего и будущего у каждого испытуемого.

– *Субъективное местоположение образа* в пространстве воображения. Где именно человек представляет ту или иную картину своей жизни относительно самого себя: впереди, позади или вокруг себя, справа или слева от себя, выше или ниже.

Выделялись: *восходящая линия будущего* (образы будущего последовательно поднимаются вверх), *горизонтальная* (образы будущего на одной прямой) и *нисходящая* (образы будущего опускаются вниз)

– *Субъективное расстояние до образа*. Как далеко от себя испытуемый представляет ту или иную картину своей жизни. Обычно оценивалось относительное расстояние: ближе или дальше от испытуемого представляется последующий образ относительно предыдущего.

– *Субъективный размер образа*. Насколько большими или маленькими представляются испытуемому эти картины. Оценивался также относительный размер: большим или меньшим представляет испытуемый последующий образ относительно предыдущего.

Выделялись: *расходящая линия будущего* (образы будущего последовательно увеличиваются) и *сходящаяся* (образы будущего последовательно уменьшаются).

– *Цвет, яркость и четкость* каждого образа.

– *Представление себя в образе*: диссоциированное или ассоциированное. Если испытуемый на задание экспериментатора «представить, как вы гуляете по улице 5 лет назад» представлял образ – изображение самого себя, гуляющего по улице, – это диссоциированный образ. Если же он представлял окружающую обстановку: улицу – глазами себя гуляющего, то это – ассоциированный образ.

– *Объективированность образа*, показатель описан Л. М. Веккером и Б. Ф. Ломовым. Он характеризует расположение образов во внешнем по отношению к себе пространстве (образ объективирован) или во внутреннем, «внутри головы» (образ необъективирован).

Кроме этого, у линии прошлого и будущего анализировались еще два параметра:

– *Структурированность линии* – закономерное представление образов во внутреннем пространстве. Структурированная линия представляет собой функцию от времени, образы располагаются во внутреннем пространстве максимально упорядоченно, каждая последующая картина появляется непосредственно после предыдущей, образуя линию. Обычно эта линия близка к прямой, но иногда может быть и более сложной формы. Неструктурированной считалась такая линия, внутренние образы в которой располагались во внутреннем пространстве психики беспорядочно. Иногда их место зависело от реального положения предмета, например, испытуемый представлял свою ванную комнату слева от себя, потому что она и на самом деле была в левой части квартиры.

Отдельно анализировались: «разрывы», «перегибы» в ровной последовательности образов и «особо выделяющиеся образы» (самые большие или самые маленькие). С их помощью на основе свободных ассоциаций давалась психологическая интерпретация событий.

– *Сцепление между образами*. Характерно для структурированных линий. После представления испытуемым ряда своих временных образов в пространстве воображения, испытуемому предлагалось «мысленно передвинуть крайний образ». При этом у части испытуемых остальные образы оставались неподвижными (отсутствие мысленного сцепления), а у других самопроизвольно перемещались вслед за первым (наличие сцепления). Если сцепление наличествует, то не имеет значения, какой именно образ двигать – все равно смещается вся линия.

С целью выявления взаимосвязи пространственно-временных характеристик образной сферы и собственно личностных особенностей испытуемым также предлагалась батарея вербальных тестов – опросников:

1. Миннесотский многофакторный личностный опросник (MMPI).

2. Тесты для определения психологического типа по К. Г. Юнгу, в число которых входили рисуночный тест Г. Рида [257, 388] и методики экспресс-диагностики соционики [227, 304]. Определялись главная и дополнительная функции.

3. Оригинальный опросник жизненного пути личности, включающий в себя показатель конвергентного-дивергентного мышления по Гилфорду.

4. Опросник планирования времени В. Ф. Серенковой.

5. У группы испытуемых дополнительно определялась ведущая рука (левая или правая) на основе предпочтений для письма и по тестам (сцепленные пальцы, аплодисменты, поза Наполеона), также определялось наличие связанных с правополушарностью феноменов («зеркальное письмо» и т. п.) по методикам Т. А. Доброхотовой и Н. Н. Брагиной [128].

Далее проводился качественный и количественный анализ полученного эмпирического материала с применением кластерного (метод кластеризации корреляция+гибкая) и корреляционного анализов (коэффициент корреляции Пирсона) из пакета унифицированных программ статистической обработки STADIA.

Эмпирическая база исследования. Выборка составляла 174 человека, мужчин и женщин в возрасте от 25 до 35 лет, у которых исследовалась организация времени описанной выше оригинальной методикой, позволяющей выявить характер интрапсихической образной пространственно-временной модели.

Выборку из 111 испытуемых мы разделили на две группы, резко различные по своему жизненному стилю. Первая группа – аспиранты – (57 %), предшествующий жизненный путь у них был достаточно насыщенным (поступление в вуз, защита диплома, поступление в аспирантуру), от них требовалось проявить свои способности, работоспособность. Вторая группа – лица без высшего образования – (43 %). Общая психологическая характеристика представи-

телей этой группы была весьма своеобразной. Все они пришли на краткосрочные курсы (2–3 недели) для приобретения «современной, высокооплачиваемой специальности» (менеджмент, бухгалтер, массаж). Это разделение было сделано с целью проследить влияние фактора образования (прежде всего как характеристики, связанной с способностью испытуемых реализовывать долгосрочные планы) на образные репрезентации.

На выборке из 63 человек (студентов) проверялась гипотеза о связи структуры образного континуума с функциональной асимметрией полушарий (лево- и праворукостью).

Полученные результаты были проанализированы с точки зрения личностных детерминант топологии внутреннего пространства и с содержательной точки зрения (временная последовательность образов как модель жизненного пути индивида).

2.2. Топология внутреннего пространства

1. Предметные и личностные тенденции. Пожалуй первой важной характеристикой образного континуума, на которую мы обратили внимание, являлось соотношение субъективного и объективного в его структуре. Как известно, для сенсорного пространства – времени одним из свойств образа является «предметность» – отражение в образе свойств предмета, а не самого человека. Как было показано выше, это положение перестает быть таким однозначным при переходе к личностному пространству – времени, хотя, разумеется, и не исчезает полностью. Итак, что больше влияет на топологию образного континуума: объективное (реальные размер, форма и местоположение запомнившегося события) или субъективное (психофизиологические и психологические особенности личности, отношение к событию и переживания по его поводу)? Человек вспоминает важную для него встречу, перед глазами застыла картина... Почему изображение представляется ему слева от него и вверху? Потому что воспроизведенное на нем событие уже в прошлом (прошлое связано с левой стороной субъективного пространства [46, 52, 70, 127]), потому что он очень уважает встреченного тогда человека (образ вверху). Или потому что в момент встречи значимый другой на самом деле сидел на столе (т. е. высоко) и слева от вспоминающего? Разумеется, влияет и то и то, но у разных людей по-разному. Рассмотрим подробнее две тенденции в формировании континуума – предметную и субъектную.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.